

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

**Письмо к издателю
«Московского вестника»**

«Не для комплимента вам, м. г., а для правды надобно сказать, что журнал ваш всегда был беспристрастнее и умереннее других; должно признаться, что в нынешнем году, говоря об «Истории русского народа», и вы сбились с тону; но только с тону, а сказали чистую правду. Итак, позвольте и теперь поместить в вашем журнале отзыв человека, не принадлежащего ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Письмо к издателю
«Московского вестника»

Не для комплимента вам, м. г., а для правды надобно сказать, что журнал ваш всегда был беспристрастнее и умереннее других; должно признаться, что в нынешнем году, говоря об «Истории русского народа», и вы сбились с тону; но только с тону, а сказали чистую правду. Итак, позвольте и теперь поместить в вашем журнале отзыв человека, не принадлежащего ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность.

Всегда уважая необыкновенный талант А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами, с неудовольствием читывал я преувеличенные, безусловные и даже смешные похвалы ему в «Сыне отечества», в «Северной пчеле» и особенно в «Московском телеграфе». Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а обожали и предавали анафеме всех варваров, дерзавших восхищаться не всеми его произведениями и находивших в прекрасных стихотворениях его – недостатки!.. Называя Байрона *первым поэтом человечества, своего века*, «Телеграф» не обинуясь говаривал: *Байрон, Пушкин* и пр. И что же теперь?.. Если

неумеренные похвалы возбуждали неудовольствие в людях умеренных, какое же негодование должны произвести в них явные притязания оскорбить, унижить всякими, даже нелитературными средствами, того же самого поэта, перед которым те же раболепные журналы весьма недавно – пресмыкались во прахе? Разве Пушкина можно ставить в ряд с его последователями, хотя бы и хорошими стихотворцами? Он имеет такого рода достоинство, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец: силу и точность в изображениях не только видимых предметов, но и мгновенных движений души человеческой, свою особенную чувствительность, сопровождаемую горькою усмешкою... Многие стихи его, огненными чертами врезанные в душу читателей, сделались народным достоянием! Об искусстве составления стихов я уже не говорю.

Многие скажут: *«Зачем узнавать Пушкина в пародиях? Зачем относить к нему разные намеки? Он выше их...»* Милостивые государи, узнавать – не значит признавать обвинения и клеветы справедливыми! Но не узнать

нельзя... Мудрено ли подделаться к наружной форме, употребляя карикатурно и слова и выражения поэта?..

Есть и другие журналы, впрочем достойные уважения, в которых разбирали Пушкина или с пустыми привязками, или с излишним ожесточением. Последнее тем прискорбнее, что встречалось в рецензиях критика, по видимому имеющего обширные познания не только в своей, но в древних и новейших иностранных литературах, мысли которого по большей части свежи и глубоки. Я уверен, что он отдает полную справедливость Пушкину и что только нелепые похвалы и вредное для словесности направление его последователей, вместе с строгим образом мыслей самого критика о некоторых предметах, увлекли его в излишество...[1]

При нынешнем странном и запутанном положении литературных мнений не должно молчать. Пусть публика знает, что многие, или, лучше сказать, все благомыслящие люди радуются, например, отпадению «Телеграфа» и «Северной пчелы» от так называемых *знаменитых друзей* и их приверженцев, ибо все

они более или менее известны своими дарованиями и талантами. Похвалы вышесказанных журналов – пятнали славу их!.. и да погибнет навсегда прозвище *знаменитых друзей*[2], не в добрый час данное им в «Сыне отечества». Круг людей, которых славит «Телеграф» и «Северная пчела», до того уменьшился, что им приходится хвалить – только друг друга; брань их – есть уже право на уважение просвещенного общества. Прежде «Телеграф» нападал на литераторов, не пользующихся громкою славою, и на людей ученых (последнее весьма понятно); теперь он напал, или, приличнее сказать, *кинулся*, на все отличные таланты и на всех, совершивших уже свое литературное поприще, не в шутку знаменитых и заслуженных корифеев нашей словесности... В добрый час!.. Но под каким медным щитом[3] укроется он от клейма общественного мнения?..

1830 года.

Примечания

Это говорилось о Н. И. Надеждине, в грубых критиках которого всегда было много и дельного; впоследствии он признавался мне не один раз, что был неправ перед Пушкиным. *(Позднейшее примечание С. А.)*.

[^^^]

...прозвище «знаменитых друзей» – Ксенофонт Полевой в своих «Записках о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» так объясняет происхождение этого «прозвища»: «Слова *знаменитые друзья*, или просто: *знаменитые*, на условном тогдашнем языке имели особенное значение и произошли вот каким образом. В 1821 г. Н. И. Греч издавал «Сын отечества» вместе с Воейковым... Воейков переселился в Петербург и при посредничестве друзей умел сделаться товарищем Н. И. Греча... Воейков, сделавшись соиздателем «Сына отечества», выпрашивал у Жуковского, Пушкина, князя Вяземского и других известных писателей стихотворения для печатания в журнале, где в то же время завел войну с «Вестником Европы», и когда этот журнал на своем наречии объявил однажды, что *какой-то журнал взял на откуп* всех стихотворцев, Воейков с сладкою улыбкой отвечал: «Жалеем о несчастном журнале; а мы можем похвалиться, что *наши знаменитые друзья* украшают наш журнал своими бесподобными сочинениями». Это произ-

вело общий взрыв насмешек и негодования, потому, что Воейкова не любили, да он же оскорбил общее мнение, назвав *своими друзьями* знаменитых писателей, которые давали в журнал стихи свои не из дружбы к нему... Название *знаменитых друзей* и просто *знаменитых* стало смешным и сделалось вообще не лестным эпитетом. Ближе всего означали этим словом писателей бездарных или с маленьким дарованием, причислявших себя без всяких прав к литературным аристократам» («Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы», стр. 153–154).

[^^^]

Вместо слова «щитом» стояло «лбом»; но издателю показалось это уже слишком резко. *(Позднейшее примечание С. А.)*.

[^^^]